

Следуя за маленькой служанкой, я шла по извилистым крытым галереям Пристани Лотоса. Повсюду виднелись беседки и павильоны над водой, а лицо обвевал легкий ветерок, напоенный ароматом лотосов. Старинные пейзажи на каждом шагу дышали изысканностью клана Юньмэн Цзян, но я была совершенно рассеянна. Каждые несколько секунд я мысленно звала систему: «Динь-динь!», а временами замирала, ожидая услышать мысли Цзян Чэна. Однако в ответ стояла абсолютная тишина — ни малейшего звука.

Что за дела? Прошло столько времени, а до сих пор ни звука. Неужели эта способность зависла? Неужели она окончательно сломалась и теперь бесполезна? Хорошо хоть я заранее решила делать ставку на кулинарию. Даже если чтение мыслей вышло из строя, моего кулинарного мастерства должно хватить, чтобы не пропасть. Местные заклинатели из Пристани Лотоса вечно питаются лишь пилюлями бигу, полными духовной энергии, или пресной вареной зеленью. Они отроду не пробовали блюд, приготовленных с использованием современных техник приправ.

Цзян Чэн изначально собирался вернуться в кабинет, чтобы разобраться с делами клана, но его шаги замедлились. Слово по наитию, он сделал большой крюк и последовал на некотором расстоянии за Су Цин. Каждое ее мысленное ворчание отчетливо долетало до его ушей. Лицо его было помрачневшим, а руки, спрятанные в широких рукавах фиолетовых одежд, невольно сжались в кулаки.

То, что роилось в голове этой женщины, было донельзя странным и новым. Такие слова, как «приправа» и «домашняя еда», он еще кое-как понимал, но от фраз вроде «способность сломалась» или «зависла» он был в полном недоумении. И надо же такому случиться, что она с поразительной точностью указала на главный изъян кухни Пристани Лотоса: здешняя еда служила лишь для насыщения и восполнения духовной энергии, а о вкусе никто и не думал.

Кухня располагалась в западной части Пристани Лотоса. Просторная и светлая, она была полностью укомплектована очагами, глиняными горшками и бамбуковой утварью. Несколько женщин-поваров средних лет лениво перебирали овощи и кипятили воду. Блюда выглядели до жалости просто: обычные водяные растения, сваренные на воде, да белые корневища, причем соли и масла жалели невероятно.

Маленькая служанка подошла к старшей на кухне и передала распоряжение Цзян Чэна. Та окинула меня оценивающим взглядом и, заметив мою хрупкую фигуру и простую одежду, метнула взор презрения. Тон ее тоже не отличался вежливостью:

— Глава клана велел тебе показать свое мастерство. Если стряпня окажется никуда не годной, собирай манатки и убирайся из Пристани Лотоса, не занимая чужое место. Все ингредиенты вон в той корзине, можешь брать любые.

Я кивнула, напустив на себя покорный и послушный вид, а в мыслях уже вихрем неслась составленная мной карта блюд: [Сначала приготовлю улучшенный вариант супа из свиных ребрышек с корнем лотоса — воссоздать вкус Старшей шицзэ Цзян Яньли будет моим козырем. К нему сделаю жареные кусочки корня лотоса в кисло-сладком соусе, а на децимал подам мягкую нежную тыкву на пару. Один суп и два блюда, мясо и овощи в балансе, кислый, сладкий и острый вкусы на месте. По сравнению с пресной стряпней этой кухни — полное

превосходство. Корень лотоса должен быть свежим и хрустящим прямо из пруда, ребрышки опускаем в холодную воду и бланшируем, чтобы убрать пену и избавиться от запаха сырого мяса. Избавление от специфического запаха — самое главное, а здешние повара-заклинатели об этом даже не думают, и в итоге всё тушеное отдает мясной сыростью].

Цзян Чэн, спрятавшийся за резной колонной у входа на кухню, слегка затаил дыхание. Суп из ребрышек с корнем лотоса — это было блюдо, по которому он тосковал всю свою жизнь. После ухода Старшей шицзэ в Пристани Лотоса больше никто не мог повторить тот мягкий, насыщенный и сладковатый вкус. В последние годы, когда ему случалось вспомнить этот вкус, он украдкой в одиночку отправлялся на кухню и приказывал сварить горлок супа, но каждый раз получалось пресно-жирно и противно, так что в конце концов всё неизменно шло на выброс. Эта девица неизвестного происхождения знала все тонкости варки и удаления неприятного запаха — такое явно не могло быть простым совпадением.

Я закатала рукава и умело принялась за обработку ингредиентов. Мои движения были плавными и непрерывными, совсем не похожими на поведение избалованной девицы из благородной семьи, не покидавшей пределов дома. Бланшировка, снятие пены, медленное тушение на слабом огне, добавление лишь щепотки зеленого лука, имбиря и бадьяна для аромата — никаких лишних специй, заглушающих естественную сладость продуктов. С другой стороны я разогрела сковороду с маслом, чтобы быстро обжарить кусочки корня лотоса, добавив сбалансированный кисло-сладкий и острый соус. Контроль огня был безупречен, и вскоре густой аппетитный аромат поплыл от плиты, заполнив всю кухню.

Повара, которые до этого лениво болтали, замерли на месте, вытягивая шеи и заглядывая в сторону плиты. Их ноздри щекотал незнакомый, восхитительный аромат, и они невольно сглатывали слюну.

Управляющая тоже отбросила прежнее презрение и неспешно подошла к котлу, разглядывая цвет бульона:

— Твои приемы создания вкуса довольно необычны. В Пристани Лотоса никогда так не готовили.

Я продолжала помешивать блюдо и мягко ответила:

— Это всего лишь домашний способ приготовления из моих родных мест, ничего особенного.

А в душе я самодовольно ликовала: дело в шляпе, этот аромат покорила всех без исключения! Позже отнесу попробовать Цзян Чэну, и его уровень благосклонности ко мне гарантированно подскочит. Даже если способность читать мысли не работает, с помощью вкуса я смогу постепенно завоевать его расположение, а уж потом прочно обоснуюсь в Пристани Лотоса.

Уши стоявшего за дверью Цзян Чэна снова окрасились легким румянцем, а на душе скреблись злость и удивление. Злило то, что эта девчонка строила вполне ясные планы, с самого начала рассматривая его как цель для покорения; а удивляло то, что ее кулинарные идеи были столь тонкими и продуманными — один лишь аромат пробудил в нем давно угасший аппетит.

Вскоре все три блюда были готовы. В большой белоснежной чаше белел суп из корня лотоса и ребрышек с молочным оттенком: кусочки лотоса разварились до мягкости, а мясо было сочным, но не жирным. Кусочки корня лотоса в кисло-сладком соусе выглядели ярко и аппетитно, а паровая тыква золотилась своей нежной мякотью, будучи сладкой, но не приторной. Сервировка оказалась самой простой, но она превосходила всю остальную еду на кухне.

Управляющая лично взяла поднос, не смея даже пытаться снять пробу самостоятельно:

— Я отнесу это главе клана, а ты жди здесь результатов.

Я встала у плиты и немного расслабилась, продолжая мысленно бурчать: Цзян Чэн — человек с упрямым языком. Даже если ему понравится еда, внешне он обязательно станет придирается и нарочно заявит, что вкус средненький. Нужно сохранять невозмутимость и не поддаваться на его ледяное лицо, действовать понемногу. Быстрее бы уже завершилась загрузка способности чтения мыслей, чтобы сразу узнать, искренен он или лукавит.

Цзян Чэн вернулся в кабинет чуть раньше. Не успел он занять свое место, как управляющая вошла с едой и осторожно опустила блюда на стол. Густой аромат супа ударил в нос. Цзян Чэн посмотрел на суп из ребрышек с лотосом в чаше, его пальцы чуть сжались — даже пробовать не нужно было, один внешний вид далеко превосходил творения всех прошлых поваров.

Он взял ложку, зачерпнул немного и сделал маленький глоток. Мягкая и свежая сладость растаяла на языке, в нем не было избытка специй, а хрусткость лотоса в точности совпадала со вкусом блюд Старшей шицзэ из его воспоминаний. Накопившаяся за долгие годы горечь подступила к горлу.

Однако внешне он остался совершенно невозмутим: брови нарочито нахмурились, а голос прозвучал так же холодно и резко:

— Вкус еле дотягивает до сносного, до потрясающего ему далеко.

Управляющая опустила голову, не смея произнести ни слова, а про себя подумала: да этот вкус просто великолепен, глава клана явно кривит душой.

В то же самое время в голове Цзян Чэна эхом отзывались мои недавние мысли с кухни: [Эта девчонка и впрямь насквозь видит мой характер]. Мысленно отметив это, Цзян Чэн слегка постучал пальцами по столу и отдал приказание ожидавшей за дверью управляющей:

— Пусть останется на кухне личным поваром, готовит по два раза на день — утром и вечером, и носит еду в главное жилое помещение. Кроме того, выдели ей отдельную комнату во флигеле, незачем селить ее с остальной прислугой.

Управляющая замерла от неожиданности, не ожидая столь внезапного и щедрого повышения, но поспешно ответила согласием и отправилась на кухню передать приказ.

Услышав результат, я тяжело вздохнула с облегчением, а в душе бушевал дикий восторг: [Отлично! Меня сразу перевели в ранг личного повара и выделили отдельное жилье! Первый шаг к победе сделан! Похоже, можно уверенно продвигаться вперед и без чтения мыслей, а когда динь-динь снова заработает, результаты будут вдвое лучше при тех же усилиях!].

Снаружи у дверей кухни Цзян Чэн опирался на перила галереи, его фиолетовые одежды растворялись в тени, а взгляд был прикован к Су Цин, которая с сияющей улыбкой хлопотала у плиты. Его выражение лица было сложным и не поддавалось описанию. Он обладал тайной односторонней слышимости чужих мыслей, о которой знал лишь он один. Су Цин же все еще пребывала в неведении, наивно полагая, что дело всего лишь в задержке системы.

<http://bllate.org/book/19703/1937800>